

Александров В. Б.

С. М. Соловьев как лектор: угол зрения В. О. Ключевского

Александров Владимир Борисович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры философии и культурологии
Доктор философских наук, профессор
vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье представлена характеристика лекторского мастерства великого русского историка С. М. Соловьева, данная другим великим историком — В. О. Ключевским. Отмечается особое внимание В. О. Ключевского к личности педагога, мировоззренческому и нравственному наполнению содержания лекций, формированию культуры мышления — тем чертам, которые отличали лекторскую работу С. М. Соловьева. На основе анализа мыслей В. О. Ключевского в статье делается вывод о сохранении значения лекции как формы педагогической работы в современных условиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

лекция, личность преподавателя, «гармония мысли и слова», «методологическое влияние», нравственная установка

Alexandrov V. B.

S. M. Solovyev as Lecturer: Angle of View of V. O. Klyuchevsky

Aleksandrov Vladimir Borisovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of Chair of Philosophy and Cultural Science
Doctor of Science (Philosophy), Professor
vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

The characteristic of lecturing skill of the great Russian historian S. M. Solovyov given by other great historian — V. O. Klyuchevsky is presented in this article. The special attention of V. O. Klyuchevsky to the identity of the teacher world outlook and moral filling of the content of lectures, formation of culture of thinking — to those lines which distinguished lecturing work of S. M. Solovyov is noted. On the basis of the analysis of thoughts of V. O. Klyuchevsky in article the conclusion about preservation of value of lecture as forms of pedagogical work in modern conditions is drawn.

KEYWORDS

lecture, identity of the teacher, «harmony of thought and word», «methodological influence», moral installation

Считается, что рефлексия на тему методики преподавательской деятельности должна завершаться некоторыми универсально значимыми рекомендациями, следование которым поможет принципиально улучшить качество этой деятельности каждого, кто ими воспользуется. Однако, как показывает опыт, успешность педагогической работы трудно поддается выражению через какие-либо правила и алгоритмы, в равной мере пригодные для всех преподавателей. Приемы, которые дают положительный результат у одного педагога, будучи использованы другим, могут оказаться совершенно неэффективными.

Не отрицая полностью полезности поиска некоторых общих методических основ педагогической деятельности, мы, вместе с тем, полагаем, что важнейшим резуль-

татом изысканий в области методики должно стать формирование у всех, кто занимается этой деятельностью, *вкуса* к рефлексии на тему успешности *собственной* педагогической работы. Подобная рефлексия предполагает осознание своей личностной уникальности, которая может продуктивно реализоваться в педагогическом процессе только через вполне конкретную интерпретацию общепринятых методик. Личность преподавателя может обуславливать неповторимый стиль общения со студентами, как непосредственно в учебном процессе, так и во внеаудиторной работе, который может привлечь внимание студентов и вызвать интерес к дисциплине, которую он преподает. Все это означает, что успех работы преподавателя во многом определяется его готовностью видеть свою работу как непрерывно совершающийся творческий процесс.

Импульсом для такого рода рефлексии могут стать размышления выдающихся педагогов об условиях успешности преподавательской деятельности. Для вузовской педагогики особенно важны те случаи, когда такой педагог оказывается еще и выдающимся ученым, благодаря чему его педагогическая практика освещена светом глубокого понимания науки, идеи и достижения которой он стремится донести до студенческой аудитории. Ученые такого уровня, осмысливая собственный педагогический опыт, с большим вниманием и уважением изучают опыт работы в этой сфере своих коллег, обращая внимание, конечно, на педагогическое творчество наиболее значительных персон.

Одним из таких ученых-педагогов в истории российского университетского образования был выдающийся историк В. О. Ключевский. Главной формой учебной деятельности профессора, в которой проявляется его педагогическое мастерство, для Ключевского является лекция. Будучи сам неординарным педагогом, Ключевский внимательно присматривается к тому, каким образом крупные ученые его времени достигали успеха в лекторской работе, вызвали интерес студенческой аудитории к излагаемому материалу, к тому, что они видели наиболее значимым в этой форме своей работы. При этом Ключевский отчетливо осознает, что «в преподавательской деятельности много индивидуального, личного, что трудно передать и еще труднее воспроизвести» [1, с. 320].

Лекторское творчество преподавателя выступает особого рода искусством, обнаруживая свою неповторимую ценность только в его непосредственном проявлении; будучи записанной, представленной в печатном тексте, лекция перестает быть тем, чем была во время ее прочтения. «Учитель — что проповедник: можно слово в слово записать проповедь, даже урок; читатель прочтет записанное, но проповеди и урока не услышит» [Там же]. Эту мысль Ключевского очень важно помнить сегодня, в связи с печальной тенденцией заменить реальное общение преподавателя со студентом предоставлением ему различными способами тиражированного лекционного материала, пусть даже подготовленного самим лектором.

Другой стороной понимания лекторской деятельности как искусства является принципиальная установка для тех, кто ищет пути усовершенствования собственного педагогического мастерства, ориентируясь на опыт выдающихся представителей преподавательского дела. На этом пути значимым оказывается не формулирование некоторых формальных правил, а вдохновенное следование искусству наставника. В этой связи характерно замечание Ключевского о том, что для формирования преподавательских навыков важны не только общие правила, но и «наблюдение, предание, даже подражание». Данная установка перекликается с размышлениями известного исследователя XX в. М. Полани о феномене личностного знания. Вот некоторые из его мыслей, в полной мере относящиеся и к преподавательскому искусству: «Искусство, процедуры которого остаются скрытыми, нельзя передать с помощью предписаний, ибо таковых не существу-

ет. Оно может передаваться только посредством личного примера, от учителя к ученику... наблюдая учителя и стремясь превзойти его, ученик бессознательно осваивает нормы искусства, включая и те, которые неизвестны самому учителю. Этими скрытыми нормами может овладеть только тот, кто в порыве самоотречения отказывается от критики и всецело отдается имитации действий другого» (3, с. 86–87).

Удивительны и загадочны те средства, с помощью которых лектор завоевывает внимание аудитории. Ключевский набрасывает ряд странных стилистических особенностей чтения лекций известными историками России, которые, тем не менее, имели неизменный успех в студенческой аудитории. Один из них (П. М. Леонтьев) на протяжении всей лекции с помощью странного жеста правой руки с «вилкообразно вытянутыми пальцами» всю лекцию помогает «усиленно искавшему слов, как будто усталому языку». Другой (Ф. И. Буслаев) читает подготовленный заранее текст, написанный крупными и кривыми строками, «сопровождая чтение ударами о кафедру правой руки с зажатым в ней карандашом». Третий (С. М. Соловьев) читает лекцию «с закрытыми глазами, немного раскачиваясь на кафедре взад и вперед». При этом, по собственному признанию Соловьева, которое воспроизводит Ключевский, «он никогда не видел студента в своей аудитории» [Там же, с. 322]. Сила его убежденности в значимости излагаемого материала была такова, что ему не нужна была обычно искомая преподавателем обратная связь с аудиторией. По словам Ключевского, «он принадлежал к числу людей, готовых проповедовать в пустыне» [2, с. 334].

Лекторское творчество С. М. Соловьева стало предметом особого внимания его великого ученика В. О. Ключевского. Наблюдения над работой С. М. Соловьева как лектора отражены в его статье «С. М. Соловьев как преподаватель». Здесь Ключевский не стремится определить универсальные принципы «хорошего» чтения лекций. Ценность данной статьи — в другом. В ней Ключевский обозначает темы, над которыми полезно рефлексировать лектору, стремящемуся овладеть студенческим вниманием, продвинуть молодых людей в деле освоения ими своей профессией.

Наверное, первое и самое главное, что отличало лекции Соловьева, и что увидел в них бывший студент Ключевский, — это стремление лектора заставить размышлять студента. Данная цель достигалась им через способ чтения лекций, который Ключевский определил как «говорящее размышление». «С кафедры слышался не профессор, читающий в аудитории, а ученый, размышляющий вслух в своем кабинете» [Там же, с. 323].

При этом он отказывает лекциям Соловьева в таких качествах, которые обычно принято считать весьма значимыми для лекции — эмоциональность, стремление задействовать юношеское воображение. «Чтение Соловьева не трогало и не пленяло, не било ни на чувства, ни на воображение, но оно заставляло размышлять» [Там же]. Слушание таких лекций не было легким развлечением, но студенты выходили из аудитории без чувства утомления, поскольку в их сознании формировалось ясное понимание нити развивавшихся перед ними мыслей.

Можно ли полагать, что такой способ чтения лекций представляет собой универсальную модель, могущую определить «методические рекомендации», на которые следует опираться в педагогическом творчестве? Очевидно, нет. Большинство тех, кто занимается педагогической работой, скажут, что без эмоционального заряда, посылаемого преподавателем в аудиторию, сконцентрировать ее внимание, вызвать интерес к излагаемому материалу вряд ли удастся. Приведенное наблюдение Ключевского показывает лишь один из возможных способов достижения успеха, который накрепко сопряжен с личностными особенностями Соловьева, определявшими его отношение к науке и педагогической деятельности.

Следующая важнейшая особенность лекторского дара Соловьева, увиденная Ключевским, — гармония мысли и слова. Достижение этого в высшей степени значимого для лекции качества оказывается весьма непростым делом. Сам Ключевский по этому поводу замечает: «Гармония мысли и слова! Как легко произнести эти складные слова и как трудно провести их в преподавании. Думаю, что возможность этого находится за пределами преподавательской техники, нашей дидактики и методики» [Там же, с. 324]. Иными словами, Ключевский вновь отказывается от каких-либо универсальных рекомендаций. Можно лишь констатировать, что достижение упомянутой гармонии, как явствует из дальнейшего изложения, есть следствие общей высокой культуры, огромной эрудиции Соловьева. Будучи историком, он, вместе с тем, интересовался литературой самого разного рода — географической, политической, художественной, отчетами путешественников и пр. Его лекции были результатом неустомимого труда над тем материалом, который готовится для произнесения в студенческой аудитории. Именно поэтому мысли, которые он стремился донести до студентов, обретали богатое и тонкое словесное выражение, находили необходимые понятийные средства, способствовавшие их адекватному восприятию.

Еще одной чертой лекций Соловьева была мировоззренческая цельность, концептуальная проработка излагаемого материала. Соловьев не сводил лекцию к изложению того, что было, он стремился обобщать факты, в свете принятой им концепции исторического процесса. «Обобщая факты, Соловьев вводит в их изложение осторожной мозаикой общие исторические идеи, их объяснявшие» [Там же, с. 326]. При этом общие идеи не навязывались им как нечто изначально данное — они сами «органически вырастали из объясняемых ими фактов» [Там же, с. 328]. Он учил видеть закономерность исторического процесса, внутреннюю логику событий. Это делало лекции, кроме всего прочего, уроками *исторического мышления*, имевшими, как отмечал Ключевский, сильное «методологическое влияние», формировало не только знание, но и понимание того, о чем идет речь на лекциях.

Очень важным следствием такого изложения материала было формирование у студентов чувства соучастия в получении выводов, к которым подводил лектор. Над умами студентов не довлел авторитет преподавателя, заставляющий принимать ту или иную концепцию. Казалось, что выводы, предложенные лектором, являются полученными собственным размышлением.

Введение в лекцию общих идей не делало ее сухой и отвлеченно умозрительной. Соловьев всегда стремился сделать свое рассуждение живым и вызывающим конкретное представление о прошлом. «Соловьев так рассуждал со студентами о былом, что они живо представляли, как это происходило» [Там же].

Эту сторону его педагогического творчества, которую Ключевский называет «прагматической», всегда дополняла другая сторона, «моралистическая». Не противопоставляя ее первой стороне, Ключевский полагает, что «моралистика у Соловьева была та же прагматика, только обращенная к сознанию своею нравственной стороной, та же научная связь причин и следствий, только приложенная к явлениям добра и зла, помышления и воздействия» [Там же, с. 327]. Эта моральная сторона имела вполне определенный вектор — она была направлена на формирование чувства ответственности человека перед обществом, судьбой страны и государства. Ключевский, по его словам, запомнил на всю жизнь один из таких нравственных комментариев Соловьева: «„общество“ может существовать только при условии жертвы, когда члены его сознают обязанность жертвовать частным интересом интересу общему» [Там же].

Данная нравственная установка выражала глубинные основы его личности, ее органическую связь с русской культурной традицией, для которой ценность общего всегда была выше ценности индивидуального. Эта установка обладала даже

существенно большей значимостью, чем его научные взгляды. «Соловьев не допускал сделок в нравственных отношениях; осторожный в решении научных вопросов, он был решителен в вопросах нравственных» [2, с. 334]. Все его творчество, как научное, так и педагогическое, определялось твердыми нравственными убеждениями. Его «энергия умственных интересов поддерживалась единственно нравственной бодростью» [Там же].

Обе названные стороны его лекторской практики получали свое усиление с помощью такого приема, как интерпретация общих положений через жизнь отдельного человека. Так, например, свою мысль о жертвенности, как необходимом условии общественной жизни, он поясняет семейными отношениями, которые предполагают, что отец и мать, создавшие семью, перестают жить для самих себя, имея в виду, в первую очередь, интересы семьи. Думается, что этот прием имеет значение не только для изложения исторического материала, но и для всех дисциплин, призванных нести большие социально значимые идеи: философии, политологии, правоведения и др.

Отмеченные Ключевским особенности чтения лекций С. М. Соловьевым и высказанные им оценки его педагогического мастерства не являются, естественно, исключительным достоянием педагогики XIX в. Конечно, современные средства оснащения педагогического процесса, насыщенная и разнообразная информационная среда многое меняют в методике чтения лекций и ее роли в учебном процессе. Однако думается, что главные черты лекторского мастерства Соловьева должны находиться в поле методической рефлексии и в наши дни. Это касается и понимания им общей направленности педагогического процесса как формирования знания внутренней закономерности изучаемых явлений, и на этой основе высокой методологической культуры, необходимости развития мировоззрения, смыслом которого являются приоритеты сохранения целостности общества, понимания связи личных и общественных интересов. При этом, конечно, не следует забывать такие условия успешности лекции, как постоянная работа лектора в области той науки, которая стала предметом преподаваемой им учебной дисциплины, широкая эрудиция, являющаяся результатом серьезного освоения смежных дисциплин, хорошего знания литературы и искусства.

Существуют, конечно, и некоторые «организационные» обстоятельства, отличающие условия лекторской деятельности современного педагога от тех, которыми располагали лекторы XIX в. и во многом снижающие возможность того, чтобы студенты «не замечали, как пролетают отведенные на лекцию минуты». В частности, это длительность современной лекции, которая существенно усложняет задачу удержания студенческого внимания на всем ее протяжении. И действительно, если выдающиеся историки, о которых пишет Ключевский, читали лекцию 40 мин, то современный преподаватель, в своем большинстве человек средних способностей, читает лекцию на протяжении 3 часов (с одним перерывом). Естественно, подобная длительность лекции создает гораздо более серьезные трудности для поддержания внимания аудитории, ее готовности работать на протяжении всей лекции, чем это было во времена Соловьева и Ключевского.

Тем не менее и сегодня на фоне разговоров о необходимости увеличения в учебном процессе доли самостоятельной работы, о роли активных методов обучения, использования информационных технологий, думается, что оправданным будет утверждение о необходимости сохранения лекции как важнейшей формы учебного процесса. Именно на лекции студент вводится в лабораторию творческой мысли в осваиваемой им специальности, воспринимает изучаемый материал в его преломлении через личность преподавателя, и, тем самым, приобщается к конкретной научной традиции, определенному видению данного материала, как в концептуальном, так и в мировоззренческом отношении.

Литература

1. Ключевский В. О. С. М. Соловьев как преподаватель // Ключевский В. О. Соч. в 9 т. Т. 7. М., 1989.
2. Ключевский В. О. Памяти С. М. Соловьева // Ключевский В. О. Соч. в 9 т. Т. 7. М., 1989.
3. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985.

References

1. Klyuchevsky V. O. S. M. *Solovyov as teacher* [S.M. Solov'ev kak prepodavatel'] // Klyuchevsky V. O. Compositions in 9 volumes [Sochineniya v devyati tomakh]. V. 7. M., 1989. (rus)
2. Klyuchevsky V. O. *In Memory of S. M. Solovyov* [Pamyati S. M. Solov'eva] // Klyuchevsky V. O. Compositions in 9 volumes [Sochineniya v devyati tomakh]. V. 7. M., 1989. (rus)
3. Polanyi M. *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy* [Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoi filosofii]. M., 1985. (rus)